

Алла Краснова

КОНКОРДИЯ

Код Валлиса

Конкордия

Алла Краснова

Конкордия. Код Валлиса

«Автор»

2026

Краснова А.

Конкордия. Код Валлиса / А. Краснова — «Автор»,
2026 — (Конкордия)

Иван Рай — директор и главный хирург космической клиники «Конкордия», где лечат представителей всех рас галактики. Обычный рабочий день врача превращается в нечто невообразимое, когда в операционную поступает Джон — спортсмен с планеты Валлис-3 со сломанной ногой. Но это не просто перелом. Внутри кости Джона вживлён секретный чип... Впрочем, сейчас вы всё узнаете сами.

© Краснова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зелёный мяч	5
Глава 2. Чип	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алла Краснова

Конкордия. Код Валлиса

Глава 1. Зелёный мяч

Запах чистоты и прохладного металла — вот мой утренний кофе. Я вдыхаю его полной грудью, стоя у смотрового окна операционной, и чувствую, как привычная тяжесть дня оседает на плечах. За толстым кварцевым стеклом — пульсирующее нутро «Конкордии». Наша станция висит на геостационарной орбите над экватором, похожая издали на гигантскую стеклянную звезду, но внутри это — улей. Тысячи коридоров, сотни отсеков, десятки видовых биомодулей. И только одна-единственная цель, ради которой мы здесь собрались: чинить то, что сломала вселенная.

Я — Иван Рай. Директор и главный хирург Первой Межконтинентальной Клинической Базы «Конкордия». Звучит гордо, не спорю. Но по сути, я просто очень дорогой, очень квалифицированный и очень уставший механик. Только вместо гаек и болтов у меня — нервные сплетения, экзоскелеты, хитиновые пластины и, прости господи, щупальца. Люди давно вышли за пределы Солнечной системы, но вот парадокс: чем дальше мы летим, тем чаще нам требуется ремонт. И не нам одним.

За моей спиной тихо шипит пневматика дверей. Входит Хиро — мой старший ассистент, человек с идеальной памятью и полным отсутствием чувства юмора. Он уже надел светло-голубой защитный костюм, хотя операция начнётся только через двадцать минут.

— Доброе утро, доктор Рай, — кивает он, не отрывая взгляда от планшета. — Пациент стабилизирован. Анестезиологи закончили адаптацию препаратов к его биохимии. Мы готовы.

— Не мы, Хиро, — поправляю я, поворачиваясь к нему. — Он готов. Мы просто сделаем свою работу.

Хиро поднимает бровь, но спорить не решается. Он знает: я терпеть не могу, когда мою работу сравнивают с конвейером. Хотя, по сути, так оно и есть. Сегодня у нас в программе — Джон. Зелёный. Сто пятьдесят лет от роду. По документам — спортсмен, по жизни — дурак, который не рассчитал скорость.

Я подхожу к голографическому столу в центре кабинета. Над полированной поверхностью вспыхивает трёхмерная проекция тела пациента. Джон принадлежит к расе Гранхов — гуманоиды с планеты Валлис-3, покрытой непроходимыми джунглями. Они выше нас на голову, кожа у них плотная, как хороший каучук, и имеет характерный болотный оттенок. Они быстрые, сильные и чертовски самоуверенные. Особенно молодые самцы.

Я прокручиваю голограмму. Нога Джона — левая. На трёхмерной модели ярко светится место повреждения: кость внутри, под кожей, выглядит как расколотый кристалл. Если бы это был человек, мы бы ставили пластину и молились. Но у Гранхов костная ткань — это жидкий кристалл с памятью формы. Если его правильно нагреть и подать слабый электрический импульс, он соберётся сам, как конструктор. Главное — не ошибиться с частотой.

— И во что же он играл? — спрашиваю я, не глядя на Хиро.

Тот, как всегда, отвечает быстро и сухо:

— «Зур». Местная разновидность командной игры с мячом. По правилам, в поле одновременно находятся по пять игроков с каждой стороны. Цель — забить сферический снаряд в ворота противника, используя только нижние конечности и голову. Руки запрещены. Поле представляет собой чашу диаметром около ста метров с антигравитационным покрытием.

— Антигравитация? — я усмехаюсь. — Чтобы прыгали выше?

— Именно, доктор. Прыжок игрока может достигать пятнадцати метров в высоту. Скорость мяча при ударе ногой — до трёхсот километров в час.

— Прекрасно. И этот старый дурак решил, что в свои сто пятьдесят он всё ещё может играть с молодыми?

Хиро слегка пожимает плечами, что у него означает высшую степень согласия.

— По словам его товарищей по команде, Джон пытался заблокировать удар соперника. Он неудачно приземлился на край чаши. Сила удара при падении с двадцатиметровой высоты оказалась критической. Костные кристаллы вошли в состояние фазового перехода и зафиксировались в хаотичном положении.

— Значит, нам нужно сначала разогреть их до текучести, затем подать правильную матрицу и дать остыть, — бормочу я, прокручивая в голове последовательность действий.

Это стандартная процедура для Гранхов, но стандартная не значит простая. Ошибка в полградуса, и нога останется кривой навсегда. Ошибка в импульсе — и кристаллы схватятся так, что придётся начинать заново, а это для пациента лишние часы на столе. А лишит Гранха возможности бегать — значит лишит его социального статуса. Они, знаете ли, не любят хромающих.

Я отключаю голограмму и подхожу к шкафчику. Достая свой персональный скафандр — не тот громоздкий, что у космонавтов, а тонкий, почти невесомый, из углеродных нановолокон. Он защищает от случайных биозаражений, но главное — он позволяет мне чувствовать инструменты кончиками пальцев. Я надеваю его с привычной грацией фокусника. Хиро уже застёгивает магнитные застёжки на моей спине.

— Анестезия? — спрашиваю я на ходу, уже направляясь к шлюзу операционной.

— Общая, ингаляционная. Состав «Трион-7» с добавлением нейролептиков. У Гранхов высокий болевой порог, но мы перестраховались.

— Молодцы.

Шлюз открывается, и нас окутывает стерильный холод операционной. Свет здесь не белый, а мягкий, голубоватый — он меньше раздражает роговицу инопланетных пациентов. В центре зала — операционный стол. Он похож на гигантский цветок из белого пластика, лепестки которого могут подстраиваться под любую форму тела. Сейчас «лепестки» обхватывают массивное тело Джона, зафиксировав его в безопасном, но неестественном положении.

Джон огромен. Даже лежа, он занимает добрых два с половиной метра. Его зелёная кожа тускло поблёскивает под голубыми лампами, покрытая мелкой сеткой морщин — возраст даёт о себе знать. Грудная клетка медленно вздымается, по бокам шеи пульсируют жаберные щели, хотя дышит он сейчас через маску. Лицо у Гранхов — это смесь человеческих черт и ящера.

Широкий нос, скошенный подбородок, и глаза — большие, янтарные, с вертикальным зрачком. Сейчас они закрыты. К счастью для него.

Я обхожу стол, осматривая повреждённую ногу. Она откинута в сторону, зафиксирована в подвешенном состоянии. Кожа вокруг места перелома вздулась, потемнела до бурого цвета — внутри скопилась жидкость, которую организм пока не может вывести. На экране монитора высвечиваются данные: давление, пульс, активность мозга.

— Джон, — говорю я в микрофон, хотя он в отключке. — Ты, наверное, думал, что ты бессмертный. Все вы так думаете, пока не сломаетесь. Но ничего, мы тебя починим. Только в следующий раз не лезь под мяч.

Моя команда уже на местах. Три ассистента, две медсестры-андроида с восемью манипуляторами и Хиро за моей спиной. Я протягиваю руку, и в мою ладонь ложится первый инструмент — лазерный скальпель с регулируемой длиной волны. Но в этот раз я не делаю разреза. Вместо этого я подношу к ноге Джона специальный широкий излучатель.

— Начинаем контактный нагрев по кристаллографической линии, — команду я.

Кожа Гранхов не требует вскрытия при таком типе повреждений. Через неё отлично проходит инфракрасное излучение. Я веду излучателем медленно, точно художник, рисующий тёплую линию вдоль бедра. Под кожей, как мне показывает монитор, начинается процесс: мышцы разогреваются, становятся эластичными.

— Теперь отслеживаем напряжение, — продолжаю я.

Хиро подаёт мне наладонный сканер. Я прикладываю его к ноге, и на экране появляется цветная карта: красные зоны — там, где кристаллы сбились в неправильном порядке. Им нужно помочь «перетечь».

— Видишь? — говорю я Хиро, указывая пальцем на экран. — Кристаллы переориентировались вдоль вектора удара. Если мы их просто нагреем, они так и останутся в этом положении. Сначала нужно снять остаточное напряжение.

— Термическая обработка с предварительным механическим воздействием? — уточняет Хиро.

— Именно. Приготовь ультразвуковой зонд частотой сто пятьдесят кГц.

Пока Хиро возится с аппаратурой, я накладываю на ногу пациента специальную сетку из тончайших титановых волокон. Она ложится на кожу, как кружево, и сквозь неё я буду подавать импульсы. Это как каркас-подсказка для кристаллов: по этим линиям им нужно выстраиваться.

— Подаём импульс, — приказываю я.

Зонд Хиро касается внешней поверхности ноги, поверх сетки. Раздаётся низкий, вибрирующий гул. Я смотрю на монитор — датчики показывают, как внутреннее давление в кристаллической решётке начинает падать. Разрозненные осколки буквально на глазах становятся более пластичными, готовыми принять нужную форму.

— Теперь нагреваем до ста восьмидесяти, — говорю я. — Медленно.

Медсестра-андроид наводит инфракрасный излучатель. Нога Джона начинает светиться изнутри тусклым оранжевым светом. Похоже на то, как нагревается стекло. В воздухе пахнет озоном и чем-то сладковатым — так пахнут сами Гранхи, когда их «пекут».

Я смотрю на часы. Мы в середине. Самое сложное ещё впереди. Нужно соединить каналы, по которым бегут нервные сигналы. У Гранхов они не такие, как у людей. Они похожи на оптоволокно — толстые, пустотелые внутри, передающие импульсы со скоростью света. Если

их просто подогреть и свести, сигнал будет затухать. Нужно использовать специальный биоклей на основе полимеров, который создаёт оптический контакт.

— Хиро, микроскоп и микроманипулятор.

Стекло сдвигается, и я наклоняюсь к окулярам. В поле зрения — два конца нервного канала, похожие на обрезанные световоды. Я работаю зондом, который тоньше человеческого волоса. Наношу каплю прозрачного клея. Соединяю. Проверяю прохождение тестового сигнала. На экране загорается зелёная полоска — контакт есть.

— Есть, — выдыхаю я. — Теперь закрепляем мышцы.

Теперь всё идёт быстрее. Мышцы Гранхов срастаются сами, достаточно просто поддержать их в тепле и зафиксировать рассасывающимися клипсами. Я накладываю их одну за другой, сверяясь с картинкой на мониторе. Мои пальцы двигаются почти автоматически, в то время как мозг уже просчитывает следующие этапы. Фиксация, охлаждение, контроль.

Когда последняя клипса встаёт на место, я выпрямляюсь. У меня слегка гудит в ушах от концентрации.

— Охлаждение, — командую я. — Тридцать градусов в минуту. Никаких резких скачков.

Андройды включают охлаждающие пластины. Они облегают ногу пациента, и через прозрачный гель я вижу, как оранжевое свечение внутри медленно угасает, сменяясь обычным зеленоватым цветом. Кристаллы собираются в правильную структуру, повторяя те параметры, что заложены в памяти сетки.

Я отхожу к мойке, снимаю перчатки, позволяя воде с антисептиком омыть мои руки. За спиной ассистенты заканчивают фиксацию внешнего слоя. Они накладывают на ногу специальный прозрачный пластырь, который через две недели просто растворится.

— Через час можно будет выводить из наркоза, — говорит Хиро, подходя ко мне. — Все параметры в норме. Кости собраны идеально. Остаточная деформация — ноль целых три сотых градуса.

— Приемлемо, — киваю я. — Для его возраста — более чем.

Я смотрю на мониторы. Жизненные показатели Джона стабильны. Его грудная клетка поднимается всё так же ровно. Я подхожу к столу и кладу руку на его плечо — на тёплую, чуть шершавую кожу.

— Знаешь, Джон, — тихо говорю я, — твои внуки будут рассказывать легенды о том, как ты мог прыгать выше всех. И они не узнают, что ты просто старый дурак, который полез не в своё дело. Это будет наш с тобой маленький секрет.

Я поворачиваюсь к выходу. Снимаю скафандр, оставляя его на стойке для дезинфекции. В коридоре меня встречает прохладный воздух центрального модуля, пахнущий мятой и рециркуляцией.

— Доктор Рай, — окликает меня Хиро уже в коридоре, когда двери операционной закрываются за нами. — Вам пришло сообщение. По защищённому каналу.

Я останавливаюсь. Защищённый канал — это не просто так. Это или совет директоров станции, или Земля. Или что-то ещё, что не терпит отлагательств. Я беру планшет, прикладываю палец к сканеру. Экран мигает, и я вижу только одну короткую, кодированную фразу:

«Объект «Горизонт» изменил траекторию. Ожидайте гостей через 48 стандартных часов. Класс опасности — 3».

Я смотрю на фразу несколько секунд. Класс опасности «3» в нашей системе означает «неизвестный биологический вид, потенциально агрессивный». На моей памяти за три года

работы такого не было ни разу. Мы принимали раненых спортсменов, учёных, дипломатов, даже одну беременную самку с Глизе-581, но никогда — неизвестный вид.

Я выключаю планшет и убираю его в карман халата.

— Хиро, — говорю я спокойно, но голос мой звучит жёстче, чем хотелось бы. — Отмени все плановые операции на завтра. Освободи шлюз номер семь. И прикажи службе безопасности усилить режим карантина на внешнем периметре.

Хиро смотрит на меня с лёгким недоумением, которое у него выглядит как лёгкое приподнимание бровей. Он не привык к внезапным изменениям. Но он профессионал.

— Слушаюсь, доктор. Могу я узнать причину?

— Причина, — я поворачиваюсь и иду по коридору, стараясь не выдать волнения, — прибудет через два дня. И, надеюсь, она будет мирной. Потому что, если нет, нам, врачам, придётся делать ту работу, для которой мы не учились.

Я оставляю Хиро стоять в коридоре, а сам направляюсь в свой кабинет. За окном, сквозь бронированное стекло, видна Земля — голубой шар, безмятежный и далёкий. Там сейчас вечер. Кто-то ужинает, кто-то смотрит телевизор, кто-то просто идёт по улице. Они даже не догадываются, что на орбите их ждёт целая станция, набитая пришельцами и сумасшедшими врачами, которые каждую секунду пытаются перехитрить смерть.

Я сажусь в кресло, закрываю глаза на минуту. В голове всё ещё стоит зелёный свет от ноги Джона. Через час он очнётся, и ему будет неприятно. Но дискомфорт пройдёт. Пройдут и синяки, и отёки.

А вот то, что летит к нам из глубин космоса... оно не пройдёт само. Мне нужно быть готовым.

Я открываю глаза и тянусь к клавиатуре, чтобы начать изучать досье на «Горизонт». Операция закончена. Начинается что-то другое. Я чувствую это кончиками пальцев, так же остро, как чувствовал пульс под скальпелем.

Это будет долгая ночь.

Глава 2. Чип

Я не успел даже коснуться клавиатуры. В дверь постучали. Коротко, настойчиво, как бьют клювом дятлы с Альфы Центавра — те, что долбят металлические стволы ради личинок. Я уже открыл рот, чтобы рявкнуть «войдите», но дверь разъехалась раньше, чем я успел выдохнуть.

На пороге стоял Джон.

Он опирался на высокий титановый шест — временный костыль, который ему, видимо, всучили в послеоперационной палате. Второй рукой он держался за косяк, и его янтарные глаза, огромные, с вертикальными зрачками, смотрели на меня с такой смесью боли и отчаяния, что я на мгновение забыл, как дышать. Он был бледен — насколько вообще может быть бледен Гранх. Его зелёная кожа приобрела болотно-серый оттенок, а по бокам шеи, где пульсируют жабры, я заметил мелкую дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.